

Никита УДАЧИН

Никита Удачин родился в 2006 году в Екатеринбурге. Живет в Москве, учится в Литературном институте им. Горького. Публикуется впервые.

НА СЕВЕР

Рассказ

Он встал спозаранку, на улице ещё горели фонари. Сквозняк продул его комнату, даже под одеялом было зябко. Он достал из-под кровати холщовый вещмешок, света не включал. Собирался. В соседнем дворе запел петух. Он надел вязаный свитер с горлом, две пары штанов, высокие резиновые сапоги и вышел в коридор. Подошёл к входной двери, нажал на ручку. Дверь не открылась. Он нажал ещё раз, посильнее. Дверь не открылась.

– О-ох, господи.

Скинув сапоги, он прокрался в мамину комнату. Стал шарить в темноте по столу.

– Перестань, – сказала мама. Голос её был не заспанный. Задержал дыхание.

– Я знаю, что ты здесь.

– Где ключи? – спросил он шёпотом.

– Ты никуда не пойдёшь, – сказала мама. На этот раз она была готова и говорила спокойно.

– Отдай ключи. А не то в окно выпрыгну.

– Вперёд, – просто сказала мама. Он замер, стал вертеть головой.

– Ты всё равно его не найдёшь, – произнесла она уже нежнее. Он заприметил фарфоровую урну, расписанную белым и синим, и поднял её за горло.

– Положи на место, – голос её задрожал.

– Ключи, – только и сказал он. Мама немного помолчала, подошла к столу и звякнула ключами о столешницу.

– А теперь поставь бабушку.

Он помял связку в ладони, нащупывая нужный ключ.

– Сёма, пожалуйста, – сказала она, чуть не рыдая. Сёма поставил вазу с прахом и пошагал к двери.

– И что тебе сдался этот гарпун?! Ты точь-в-точь отец, – напоследок сказала она ему, и голос её оборвался грудным клёкотом. Сёма открыл дверь, стал обуваться. Из комнаты послышался плач.

– О-ох, господи.

Сёма спустился с третьего этажа. Свернул направо. Прошёл три квартала. С бухты потянуло холодком. Собирался дождь. Сёма подошёл к старым заваренным воротам. Перекинул вещмешок, и сам, поставив ногу на железную тугую ручку, перемахнул и больно приземлился на носки. Впереди его приветствовали грозным грохотом два высоких ангара из профнастила. Сёма всегда знал, какой будет ветер, благодаря их песням. Если скрежещет во всю силу – жди шквала, если гул мерный и ровный – значит, повезло с ветром. В редкие дни ангара молчали, и тогда Сёма ждал до полудня – не запоют ли? – а потом возвращался домой.

Он прошёл к пирсу, выложенному бетонными плитами, встал на колени, потянулся к воде. Частые маленькие волны задирались кверху и не успевали осесть, сразу разбивались под ногами. Вода была холодной и серой, повторяла за небом. «Плохо», – подумал Сёма. В мутном её нутре не разглядишь коряг, не узнаешь рыболовных сетей, и к берегу придётся подходить наудачу. Снова взгремели ангара, Сёма обернулся. У высоких

открытых дверей его ждал жилистый мальчуган, младше его лет на пять. Сёма неспешно подошёл к нему.

– Привет, Чип. Принёс?

– Принёс, – ответил мальчуган и тихо добавил: – Погода сегодня неходовая. Горизонт не видно.

В руках у него был небольшой бумажный свёрток. Сёма взял его и тут же раскрыл. Пол-литровая бутылка водки и охотничий нож. Он легко, без нажима, провёл лезвием по руке.

– Точил?

– Точил.

– Хорошо. Мачту поставил?

– Да как же я бандуру такую, – замельтешил Чип и повернулся к перекрестьям железных балок под сводом ангара. На них лежал десяток мачт: железные, деревянные, полые. Ниже, на подпорах, стоял красный ялик. В углу ангара, как моряки в гамаках, повисли старые шлюпы. Больше здесь ничего не было. Сёма нахмурился, подошёл к ялику и сложил всю поклажу, там же покоилась канистра с водой. Чип подошёл к носу, взялся за него.

– Раз, два, три, – скомандовал Сёма и поднял корму. Нос, как всегда, проседал – Чип пыхтел и семенил ногами, часто глотал воздух, лишь бы не отпустить ял. Они пронесли его к середине пирса и поставили на крутой металлический спуск. Сёма взглянул вперёд. Чип не врал, линию горизонта скрыл слившийся с небом туман. Они оба навалились на корму, толкнули раз, другой, третий, и ялик заскользил по воде.

– Я сегодня один пойду, – Сёма достал из вещмешка скрученную рулоном карту. Чья-то твёрдая рука вырисовала на ней островки и полуострова, повторяя скачущий рельеф берегов за печатным собратом. Чип не раз удивлялся этой работе, всё пытал Сёму, что же это за мастер, а Сёма только тихо улыбался.

– Ещё чего, – Чип не сдвинулся с места. – Почему это ты решаешь? Я тоже его строил, и ты мне не командир вообще.

– Ух ты, – Сёма высунул голову и посмотрел на него.

– И вообще, мы либо вместе, либо не ходим. Вот.

– О-ох, господи, – Сёма вышел с ялика, встал прямо перед Чипом. Он был на две головы выше и смотрел на Чипа сверху вниз.

– Не хочешь как хочешь. Видишь, какая погода дрянная. Лучше останься дома, а я сам справлюсь, – его волчи, серые глаза ничего не говорили. Чип дрожал как осиновый лист.

– Нет, не справишься! – кинул Чип. – Вода холодная уже, ноги сводит, перевернёшься – и всё! А ты перевернёшься, гад, а если не перевернёшься, то спрут сожрёт. *Его* рыбаки год назад видели. Я знаю, что ты ищешь *его*, Сём...

– Гарпун, – прорычал Сёма и пошёл на Чипа. – Я ищу гарпун!

– Два года! – крикнул Чип и сжал кулачки. Сёма приблизился к нему вплотную и сказал:

– Пошёл вон.

– Нет, – пискнул Чип, – не пойду никуда. Либо вместе, либо не ходим. Делай что хочешь.

– Ты драться не умеешь.

– Ты тоже.

Сёма неловко, но размашисто саданул кулаком по щеке Чипу. Он повалился как тряпичная кукла, закрыв лицо руками. Кулак не болел.

...Ветер взялся за дело, с силой заполоскал парус. Ялик порвался с места и натянул швартовы, точно пёс на цепи. Сёма внимательно оглядел судно. Развязал носовой швартов. Толкнул нос ногой, и ялик стал поворачиваться к туманному горизонту. Сёма отдал кормовой, поставил правую ногу рядом с рулём, левой что есть мочи оттолкнулся от

пирса. На секунду он завис над водой, взглянул вниз. Гладь подёргивалась мутными волнышками. «Плохо», – подумал Сёма. По-хозяйски он уселся у руля на наветренную сторону, взял в руки шкот¹, потянул на себя. Ялик плавно накренился. Сёма решил не оборачиваться и держал руль прямо. Ял шёл на север.

Господин Бог скрыл грядущее на пять корпусов вперёд. Время близилось к полудню, но туманная завеса всё не спадала, а судно продолжало таранить серый эфир, вставший над волнами.

Сёма раскрыл вещмешок и вытащил обмотанные фольгой бутерброды. Запивал их водкой, маленькими глотками. Теплее не становилось. Плеск воды, сродни грохоту поезда, усыплял Сёму. Он съел второй бутерброд, сложил из фольги кораблик и, перегнувшись через корму, аккуратно пустил его по воде. Кораблик запрыгал на волнах и стал уходить в туман. Послышался отдалённый рык мотора. Сёма прислушался. Мотор прерывисто тужился, – видно, кто-то сэкономил бензин, – и ревел всё громче. Из ниоткуда показался круглый нос надувного швертбота². Подобный был у отца, только с парусом, и побольше. В кокпите³ встала маленькая рубка, на её крыше мигала сине-красная таблетка. Распоров поверхность воды, швертбот поравнялся с Сёминым яликом. Кораблик из фольги утонул.

– О-ох, господи.

– Есть кто? – крикнул тёмный силуэт с того борта. Сёма промолчал. Тогда силуэт подошёл ближе, сощурился. Мужик. На вид не больше пятидесяти. Синяя кепка с кокардой, оранжевый спасжилет.

– Здравсьте, – сказал он. – А почему не отвечаем?

– Здравствуйте.

– Есть кто из взрослых с тобой? – он достал откуда-то снизу планшет.

– Нет.

– Ты один? Ку-уда? – протянул патрульный. Водная полиция была здесь не чаще полной луны. – Ял откуда? Угнал?

– Сделал.

– Сам, что ли?

– Да, сам сделал, – отрезал Сёма и вытянулся. От носа и до кормы швертбота, сужаясь, словно усы, шли два надувных баллона, по одному на каждую сторону. Патрульный рассмеялся. Его смех был похож на хрюканье.

– Ну, хорошо. Документы? Права?

Сёма покопался в вещмешке и вытащил ламинированную маленькую бумажку. Патрульный заметно удивился, долго в неё глядывался, перечитывая.

– Ну, брат, даёшь! Ладно, – он протянул права обратно Сёме. – Только и не ты как будто. На фото улыбочивый такой, и щёки толстые...

– Это всё?

– Ну, вообще нет, – задумчиво произнёс мужик. – У тебя права на четыре квадрата. Это в самый раз для таза. А у тебя тут, – он махнул рукой на бывший из стороны в сторону парус, – раза в три больше выйдет. Да и, вижу, ты водку везёшь. Не управишься ведь с ялом.

– Почему?

– Пацан ещё.

– И что? Дошёл ведь как-то сюда, – посуровел он.

– Ладно, не кипи. Странно это всё. Давно такого тумана не было. Сам немного потерялся. А тут вдруг ты с ялом. Куда хоть идёшь?

– На север.

¹ Шкоты – тросы, благодаря которым осуществляется управление парусами, изменение их положения относительно ветра. *Здесь и далее – прим. автора.*

² Швертбот – тип парусной яхты, обычно такие яхты небольшие.

³ Кокпит – внутренняя полость судна.

– Ну, ладненько. Я бы, понимаешь, глаза закрыл на права твои, но здесь опасно. Давай-ка принесу трос, – он ушёл в рубку, насвистывая какой-то дурацкий мотивчик себе в усы. Сёма плавно поднял блестящий охотничий нож, потянулся к чёрному баллону швертбота, занёс руку как можно выше. Ударил. Первый раз лезвие соскользнуло, и баллон остался целым. «А говорил, что точил, гадёныш», – подумал Сёма и навалился всем весом для второго удара. Лезвие зашло прямо в баллон, послышался сдавленный хлопок, и Сёму отбросило в кокпит. Он насилию открыл глаза и, не обращая внимания на звон в голове, взялся за шкоты свободной рукой. Вторая до сих пор, сама по себе, сжимала нож. Ветер подхватил ялик и толкнул его вперёд. Накренившись, судно задрожало, стало гулять вслед за оставленным рулём. Сёма бросил окровавленный нож под ноги и схватился за румпель¹. Позади раздалось несколько хлопков. Сёма пригнулся. У задней шкаторины² появилась дырка. Больше ничего слышно не было. Только спустя полчаса Сёма заметил, что с его предплечья капает кровь.

Не было даже намёка на штиль. Изредка мимо проносились бережки полуостровов, и Сёма навскидку отмечал их у себя на карте. Ближе к вечеру стало теплее, и туман немного спал. Горизонт, отчёркнутый бурой водной линией, ничего, как всегда, не обещал. Сёма зачерпнул ладошкой из-за борта, умыл лицо солёной водой. Он знал, что найдёт *его*. В солнечный день некоторых островов не откроешь: Господин Бог устроил хитро и отпугнул всех трусов. Сёма не боялся, он верил своим рукам. А руки у него были грубые, жёсткие и сухие. Такие руки не обожжёшь и не отморозишь, потому что их день за днём питал тяжёлый труд. Сёме даже карандаш держать было тяжело. Он не расстраивался.

Стемнело. Заката как и не было. Достал ещё пару бутербродов, спешно сжевал их, а фольгу скомкал шариком и отправил за борт. «Дождь так и не начал», – подумал он и улыбнулся. Так улыбаются, когда говорят спасибо. На море стало светло и необычайно тихо. Он лёг в кокпит, подложил под голову вещмешок. Глотнул ещё водки. Сморщился. Стало тепло. Рука продолжала саднить – порез на предплечье был неглубокий, но длинный. Стали проклёвываться первые звёзды, и Сёма сразу заметил среди них полярную, прилипшую к краю маленького ковша. Отец рассказывал, как один раз ушёл с китобойного судна к близлежащему порту за провиантом, провёл там весь вечер и возвращался в ночь. Он долго не мог найти дорогу обратно, а потом выровнялся по звезде и шёл, шёл, шёл. Становилось всё темнее, а китобой так и не появился. Тогда отец испугался. От отчаяния он продолжил грести, и всё смотрел на эту звезду, единственный свет, пока не ударился носом о борт собственного судна. «Верь звезде», – говорил он и незаметно улыбался в бороду. Сёма закрыл глаза. «Верю. Она поможет мне в пути. Только бы дойти. И тогда я убью тебя».

Его разбудил гром. Ял бросало из стороны в сторону, так что Сёма даже не сразу встал на ноги. Он постарался определить, откуда дует. Не смог. Впереди собирался кулак грозы, с тёмной, пенистой водой и обезображенными тучами. Он отвязал руль, решил поворачивать, но заметил вдаль, за штриховкой ливня, серую башню. Маяк. Сёма оскалился. Нигде за два года он не видел маяка.

– Н-ну давай, – тихо шепнул он и подобрал парус. Ял сильно накренился, чуть ли не черпая воду подветренным бортом, и полетел прямо в угольную гущу. Совсем скоро начался злой и рваный дождь. Капли бились о затылок. Весь мир вокруг опять завалило туманом, но густым, сродни дыму. Судно мотнуло в сторону, потом ещё раз, и ещё. Ялик сбивался с курса. Тогда Сёма взялся за румпель покрепче, потянул его на себя, но руль выдрал его из кокпита и выкинул за борт. Чип и здесь не наврал – вода правда была ужасно холодной. Толкаясь ногами, Сёма утопил сапоги. Ветер дул одновременно со всех сторон. Свитер набрал в себя воды и стал тянуть вниз. Ноги свело мелкими судорогами. Отплёвываясь, он схватился второй рукой за румпель, дёрнулся, и наконец пролез в

¹ Румпель – рычаг, закреплённый в головной части руля.

² Задняя шкаторина – край паруса.

кокпит. Он посмотрел вперёд – и содрогнулся. Мачта медленно шаталась. К ялу бежала большая волна. Ударившая волна поразила его мертвенным холодом. Судно чуть не перевернулось, но всё-таки пролетело дальше, начерпав воды. «Ты не напугаешь меня», – подумал Сёма. В следующий момент мачта свалилась и ушла в бурную водную глубину, вместе с парусами и всеми снастями. Ялик выровнялся. Теперь он стал игрушкой волн. Сёма взял весло и начал подгрести то с левой стороны, то с правой. Тело схватила мелкая дрожь. Только руки застыли в мёртвой хватке. Туман потихоньку расступался. Нечто громадное вырисовывалось впереди. Сёма бросил вёсла, встал на нос, и тут же прыгнул в кокпит, схватившись покрепче за бортики. Вторая волна была сильнее, и ял запрокинулся, поднял нос к небу, полетел вперёд. На побережье.

Нос в кашу. Корма пробита в трёх местах. Паруса больше нет. Сёма сидел у бедного бережка и ел тушёнку с ножа. «Всё-таки хорошо, что не перевернулся», – подумал он. Неподалёку был кедровый лог, из него Сёма натаскал валежника. Скоро сложился маленький костерок. Дождь ещё немного пошумел, и восояси отступил. Сёма сложил вокруг огня вымокшие свитер и носки, взял нож и пошёл вдоль побережья. Берег был неровен, зелен и лесист. Впереди Сёму ждало взгорье, смотревшее на него отвесным каменным боком. Сёма подошёл ближе, поглядел наверх. Попробовал пару выступов ногами. Стал карабкаться. Он был лёгким и сильным, как муравей. Многие сверстники поначалу недооценивали его в драках, а потом, битые, обходили его стороной, точно прокажённого. Медленно, не торопясь Сёма поднялся наверх. Перед ним лёг маленький серп бухты, проткнутый посередине потухшей свечкой – маяком. Сёма спустился по пологому склону и пошёл вдоль воды. Волны, ещё не успокоившиеся до конца, прищипливали к берегу разный шлак, доски, непонятные клетки. На самом краю бухты виднелись большие белые обломки чьего-то судна. Сёма остановился. Его глаза округлились. Это был *его* швертбот, перебитый надвое, с кирпичного цвета рубкой и надписью «Аврора» на борту, которую *он* сам вместе с Сёмой когда-то вымалевал через трафарет.

Сёма раскидывал съеденные временем фалы и прохуdivшиеся паруса, лихорадочно бегал глазами по кокпиту и что-то искал. В конце концов, сколько сделали люди белых швертботов на земле, и сколько из них окрестили «Аврорами», но *его* всегда можно узнать. Сёма залез в рубку, выломал парой ударов крышку маленького подполья, куда складывали все запасные снасти. Дёрнул продолговатый свёрток, покоившийся в темноте. Развернул.

– О-ох... господи...

В его руках лежал гарпун. Увесистый лакированный брус с железным наконечником – незатейливая конструкция. Изящный и простой крюк заржавел ещё давно, но сохранил свою форму точно с того дня, как оказался на китобое. Когда-то в туманном прошлом этот гарпун держал один сильный бородатый моряк, он заносил своё оружие над головой и ждал. Стоял в шлюпе посреди моря, внимательно смотрел в водную гладь, старался меньше моргать. Его плечо давно затекло, но он держал гарпун, собрав все силы в единственный рывок, его рука – натянутая тетива, и ни одна сила в мире не сможет её опустить. Он не молится Богу и не ругает черта, а просто молчит, ждёт подходящего момента. Из глубины, он чувствует, плывёт живая громадина, и не подозревает, что её уже приговорили. Он приговорил. Когда она показывает свою блестящую серую спину, гарпун, как намагниченный, летит вперёд, за ней, и заходит в кожу под углом, точно так, как хотел моряк. Громадина отчаянно ревет, обращаясь к небу, но небо ей не отвечает, она бросается в воду, но вода не может её спрятать. Только гарпунный крюк залезает всё дальше и дальше под кожу. Спустя несколько часов моряк возвращается с добычей на китобазу, время близится к вечеру. Он наедается вдоволь сухарями, выпивает стопку водки и ложится спать по-старому, в гамак, хотя на корабле есть много свободных коек.

«Попался!» – Сёма хищно улыбнулся, бросил гарпун в песок и поглядел в чашу, но не пошёл. «Нет-нет, не торопись. Лучше завтра», – подумал он и повернулся к маяку.

Каменный и пустотелый. Сёма удивился, когда зашёл внутрь. Поднявшись по винтовой лестнице, он оказался в тесной фонарной комнате из стекла. Снизу, чуть ли не до горизонта, дыбились кедры и каштаны, непричёсанный остров дышал морским воздухом, качая стволы деревьев. Сёма постоял немного, оценивая его величину, и совсем отвернулся от моря. Там разошёлся туман. Туда уходило солнце. Ему было плевать.

Рядом с маяком обнаружилась бедная, давно покинутая хижинка. Крыша была пробита в нескольких местах, и дождь оставил на дощатом полу свои следы. Первый вечер ушёл на заселение. Был стол, была печь, была кровать. А ещё были старые сапоги, на размера два больше Сёминой ноги. Но он всё равно обрадовался. Натаскал в ночи ещё валежника, разогрел вторую банку тушёнки, съел её наполовину. Насилу уснул.

У него ушло четыре дня, чтобы обойти весь остров. Сначала он шёл вдоль берега, скидывал на видное место булыжник или делал засечки каждый километр, считая шаги, а потом на обратной стороне карты перерисовал всё как увидел. Разделил остров на четыре части и долго шерстил его, взбирался по взгорьям, ел по пути орехи и ягоды, сохраняя скудные запасы. Но Господин Бог продолжал шутить. Когда Сёме попадалась равнина, пригодная для жилья, он тут же срывался с места, но не находил ничего, кроме хитро шептавшихся кустарников. Оставалось только достать из-за пояса нож и сделать пару-тройку засечек. Один раз он чуть не подрался с ужом, проходя сухой овраг, но гад сбежал, и Сёма не смог его догнать. Каждым утром туман прибывал, завешивая рассвет, густел и крепчал к полудню, а на закате рассеивался. И Сёма вставал всё раньше, а приходил всё позже. Его тёмные волосы смешались в гнездо, рана стала всё больше напоминать о себе. Порою он выходил к берегу и окунал руку в солёную воду, но порез продолжал гноиться. По ночам Сёма кашлял.

Четвёртым днём Сёма дошёл до края. Три дольки острова уже перечёркнуты большими красными крестами, с утра, опередив рассвет, он съел последнюю банку тушёнки, выпил до капли весь сок из жестянки и выпрыгнул наружу, в темень. С каждым часом дыхание его становилось тяжелее, он бродил без спешки, внимательно оглядывался, стараясь выцедить прищуром хоть что-нибудь похожее на дом через плотно усаженную чащобу. «Некуда тебе бежать», – думал он спокойно, отсекая ещё одну часть леса своим ножом. То и дело стали показываться толстые пеньки. Это *его* рук дело. Ни один человек, кроме *него*, не сможет повалить исполина-кедра, и Сёма это прекрасно знал. В сотне шагов, на мелком чистом кургане Сёма заприметил нечто, похожее на столб. «Нет-нет, не торопись», – сказал он себе и рванул что есть мочи вверх по склону, одна нога выпрыгнула из сапога, он повалился, скатился вниз, вновь встал, скинул второй сапог и взобрался на пригорок. Остановился. В руке у него был нож. Перед ним – крест. Сбито наспех, неумело. О-ох... Он молчал. Земля ещё не успела высохнуть – свежая утоптанная могила. Небольшая. «Схоронили как скотину», – подумал кто-то за него. Туман на побережье терял силу. Закат скоро. Сёма встал ногами на могилу. Долго, долго смотрел. Плюнул.

– Урод.

Постоял ещё. Сделал засечку на кресте. Всё. Переваливаясь с ноги на ногу, пошёл куда глаза глядят. Нож остался в руке. Он бродил потерянным взглядом по округе, искал хоть кого-нибудь, как блуждающий шатун. «Сапоги забыл», – подумал он и не стал возвращаться. Ноги вывели его к маяку. Он достал бутылку водки, сел на берег, рядом со швертботом,пил долгими глотками. Потом упал на спину. Нашёл ковш. Нашёл полярную. Господин Бог опять шутил.

«Ты забрал *его*, это ничего. Забери меня тоже. *Ему* нигде не скрыться, даже над звездами. Оттуда *ему* точно некуда бежать, так что я найду *его*. И снова убью».

Он покашлял. Ночь опять принесла простуду. Грудь стала железной, холодной, но внутри ещё что-то теплилось, как в не разгоревшейся печурке. Он уже всё решил, но не торопился. Голова горела. Прибрежные волны касались его ног, морозили пятки.

Поначалу ему было трудно ходить босиком по снегу. Потом привык. Когда *он* оставался без работы, нужно было ходить по снегу. Но, по справедливости, *он* остался без

работы ещё давно, когда его уволили с промысла. Мама так сказала. И ответила за это. «Опять будет плакать», – подумал Сёма, а сказал только:

– О-ох, господи.

Он сел, взял нож, надавил на руку – тупой.

– Ну уж нет.

Он оглянулся в поисках гарпуна. Ночь была светлая и тёплая. Рядом его не оказалось. Он посмотрел внимательнее. Вспоминал, куда же положил его, и наткнулся на вереницу следов. Две пары. Маленькие ножки и большие сапоги. Большие сапоги. Сёма отпрянул, затаил дыхание. Покачал головой, взял бутылку, стал её введливо осматривать. Простая водка. Следы были свежими, прилив ещё не успел их стереть. Пара пошла на запад, в лесу следы обрывались. Но ему было уже всё равно. Далеко они не ушли.

Лунный свет сквозил через листву, Сёма шёл быстро, поступью кошки. На мгновение он останавливался, закрывал глаза, прислушивался, и потом шёл дальше. Ничего не слышно. Впереди, через сто шагов, доносился шум прибоя. Вдруг его глаз обжёгся о жёлтый свет фонарика. Луч коснулся его бока, и Сёма припал, стиснув зубы.

– Свети сюда, я же просил, – донеслось по правое плечо. Сёма стал дышать чаще.

– Ладно, – ответил детский голос. Свет пополз обратно. Сёма поднял голову. Под разросшимся великим кедром с корнями шириной в локоть стояли две фигуры. Мальчик светил, а он орудовал лопатой. Частый хруст земли и глухой звон металла. Сёма подкрался ближе.

– Папа, пап, – заканючил мальчик.

– Что?

– Мне страшно.

– Чего тебе страшно? – сказал он уставшим басом.

– Тут монстр ходит.

– Ты же знаешь, что здесь никого-никого нет, ты с мамой вчера ходил и ничего не нашёл, – он всадил лопату в землю и опёрся о черенок.

– Нет, есть, я видел! На маяке! Он ходит по лесу и царапает деревья!

У Сёмы по спине пробежал холодок. «Сейчас даст за глупый вопрос», – подумал он и сжал нож крепче. Их разделяло пять метров. Сёма ждал.

– Ну хорошо, – хмыкнул он себе в чёрную бороду. – Завтра идём вместе проверять маяк.

– Пап, а зачем нам хоронить гарпун?

– Гм, – он опять задумался. Когда он думал, его толстые чёрные брови сходились вместе. – Он просто умер. Вчера, когда мама нашла его на берегу, она здорово испугалась. Мёртвых надо хоронить.

– Он умер как Бобик? – грустно спросил мальчик.

– Нет, не так. Ты знаешь, вещи, они по-другому умирают, – голос его был мягок.

Сёма скрежетал зубами. «Не торопись. Не сейчас», – уговаривал он себя.

– А как умирают?

– Они умирают, когда ты ими не хочешь пользоваться. Вот гарпун, да? Он нужен, чтобы убивать китов.

– А кто такие *кеты*?

– Большие рыбы, – резко ответил он и запнулся.

– А-а... И ты больше не хочешь убивать *кетов* этим гарпуном?

– Нет, не хочу. Вообще убивать китов не хочу, – проговорил он медленно.

Руки Сёмы похолодели. «Лжец», – подумал он.

– А можно я гарпуну крестик сколочу?

– Как Бобику?

– Да-а!

– Ну ладно, завтра сколотишь.

- Завтра же на маяк идём!
– О-ох, господи! – вскипел *он* и взялся за лопату. Совсем скоро *он* зарыл яму и велел сыну идти домой.
– Мне страшно, – повторил мальчик.
– А чудища света боятся.
– Правда боятся?
– Правда. Иди уже.

Когда сын отошёл шагов на десять, он достал из-за пазухи трубку из груши, чиркнул спичкой, задымил. Сёма узнал запах и зажал нос, чтобы не чихнуть. *Он* курил медленно, для этого *ему* нужны были тишина и одиночество. Кажется, их кухня до сих пор пахнет *его* табаком. Сёма взял нож обратным хватом, выплыл из кустов, поднял руку так высоко, как только можно было. Оставалось три шага. Он сжал кулак что есть мочи, задержал дыхание, натянулся как струна. В эту секунду он жил только ради одного рывка. Лезвие тихо сверкнуло от лунного света.

– Сёма! – раскатисто прокричал *он*. Сёма оцепенел, выронил нож, скрючился, потупил взгляд. «Откуда узнал, гад?! Нет, понятно! Ял я оставил, гарпун этот, костёр разжёл, по лесу шатался – вот заметил! Балда! А-а-а-а!» – пронеслось у него в голове за один миг.

– Да-а-а? – ответил мальчишеский писк.
– Маме ни слова про это! – снова прокричал *он* звонко и полно, словно в рынду ударили.

– Ага-а-а! – донёс *ему* ветер. *Он* ещё немного подымил, пару раз ударил трубкой о ствол кедра, чтобы скинуть пепел, и пошёл своим тяжёлым шагом дальше в лес.

Сёма двинулся следом. Он тихо шипел, как раненное животное. «Это моё имя. Моё, моё! Не твоё! Обоим шеи скручу. Убью их. Убью!» – крутилось у него в голове, пока он пробирался по чащобе. Дорога выводила на маленькую прогалину, которой Сёма не видел ни разу. Это был центр острова. Перекрестье всех четырёх частей, расчерченных на карте. *Он* зашёл в старый хлипкий домик, ограждённый деревянной калиткой, наклонив голову, чтобы не удариться лбом о проём. Дверца со скрипом закрылась. Сёма перемахнул через ограду, подобрался к оконцу, стал аккуратно заглядывать внутрь.

Они жили бедно. Прихожая сразу выходила в кухню, там стоял деревянный стол, на котором, вместо клеёнок, были выстелены газеты. Полная женщина говорила *ему* что-то своим гулким голосом. Мальчик уже сидел за столом над пустой жестяной миской и качал ногами. Женщина стала разливать из кастрюли суп. *Он* тоже сел, молчал. Его фигура изменилась: *он* отрастил пузо, обрюзг, набрал в весе, и его на редкость пышные волосы местами посеребрила старость. Сёма пожирал его взглядом, ожидая, когда *он* наконец покажет себя. Обычно повода не требовалось.

Сын что-то спрашивает. Его голос бьётся об оконную раму, и Сёма не слышит. «Давай. Возьми его за горло», – заклинал Сёма и невольно морщился. *Он* что-то ответил. Они смеются. Все. Даже *он*. *Он* улыбается. «Ты не умеешь...» – растерянно думает Сёма. Женщина наливает супу и себе. Отходит к плите. Он начинает что-то рассказывать. Наверное, говорит про огромных спрутов или крабов-гигантов, в общем, выдумывает. Она подходит. Опирается о стол. Стол падает. Кастрюля падает. Всё на *него*, на *его* кожаную куртку, которую *ему* подарил английский матрос. Сёма пучит глаза в окно, задерживает дыхание, как перед погружением. Сейчас.

...*Он* смотрит себе под ноги, сжимает огромные кулачищи, делает глубокий вздох, а затем берёт стул за ножку и швыряет его в женщину. Снимает промокшую куртку и лупит ей женщину. Она не кричит, только закрывается. Он берёт жестяные миски, бьёт их об стол, они разбиваются на кучу частей. Сын стоит. Молчит. Он даёт *ему* оплеуху, кричит раскатистым голосом:

– С дороги! Как же вы все меня заебали!

И сын падает, закрывши лицо руками. А Сёма врывается в их тесную халупу, не думает, не дышит, не живёт – бьёт его в сердце, туда, чуть ниже левой ключицы, точнее правой, если смотреть на себя в зеркало.

...Нет.

Их кухня взрывается хохотом. Он не музыкальный, грубый, слишком звонкий даже для колокольчика. Он скачет по кухне, проходит через стёкла и щекочет Сёме лицо. Никого Сёма не бьёт. Он совсем прислонился к стеклу, уже ничего не пугаясь. Он видит, что пол залит супом, и суп плохой, отвратительный по цвету. А они смеются. Все втроём, очень некрасиво. *Он* ненадолго куда-то уходит. Возвращается с тряпкой. Собирает жижу с половиц. Над ними яркая жёлтая лампочка. Слишком яркая. Они всё не могут остановиться, хохочут, пытаются что-то сказать, но снова заливаются смехом. От их окна веет теплом, Сёма чувствует его ладонями. Сёме кажется, что Господин Бог не прячет солнце на ночь, а отправляет его гонцом на эту кухню, и они каждый день греются вот так, а зимой не платят за электричество.

– Не *он*, – слышит Сёма свой шёпот. – Это не *он*.

Он утирает щёки и идёт обратно, к маяку. «Нет, я вернусь и убью его! Я убью!» – думает он по дороге. Он дрожит телом. Только руки у него всё такие же твёрдые. Когда он дошёл до берега, луна была в зените. Он взял бутылку водки. Ушёл в лачугу. Сел, опрокинул остаток в горло. Его стошнило. Он скрючился на кровати. Лежал. Долго лежал. Заснул.

Его разбудил дождь. Сильный ливень продирался через крышу и топил убежище. Он неуверенно встал, вышел к морю. На воде собирался шторм. «Я убью его», – подумал он ещё раз, морщась от головной боли, и пошёл к швертботу. Только сейчас Сёма заметил, что судно стоит слишком далеко от берега, и вытащила его человеческая рука. И поломала тоже. В подполе плескалась дождевая вода. Он нашарил рукой увесистое ведёрко с ржавыми гвоздями. Молотка не оказалось. Через треск ливня продирался шум мотора. Сёма вздрогнул. «Правда... Там остались», – с досадой подумал он. Рассекая волны, к берегу приближался красный спортивный катер. Сёма видел такие только два раза в жизни.

– Э-эй! Там! – катер остановился и заглох. Сёма поднял голову. На палубе стоял незнакомец. Обряжен богато, в костюме.

– Это ты ловишь устриц?!

– Что такое устрицы? – устало крикнул Сёма.

– Это здесь живёт рыбак Степан?

Сёма кивнул. Катер остановился у берега, аккуратно выбритый мужичок со спасжилетом, надетым поверх костюма, вышел навстречу.

– Проводишь меня к нему?

– Он умер.

– О-ох, – он занервничал, выколупал из-за пазухи продолговатый мобильник с антеннкой, стал набирать номер. – Шеф, придётся на рынок ехать. Степан умер.

Сёма уже шёл в чащу, накинув на плечо вещмешок. К носку, изорванному в тряпьё, пристал жёлтый кедровый листок. «Осень скоро», – подумал он и покашлял. Рядом с кедром стоял кривой крестик из свежих досок. Сёма поднял голову ввысь. Дерево стояло, спокойно раскинув широкие плечи. «Всё-таки есть кто-то посильнее *него*», – подумал Сёма, вытащил крест и разломал его на дощечки. Земля звала к себе, уговаривала прилечь. Он стоял, взяв доски под мышку. Порез неприятно саднил.

Когда он добрался до своего яла, дождь стал тише. Сёма попробовал вытащить его за нос, но только выдохся. Тогда он залез внутрь, приладил дощечки к днищу, где находил

течь. В полдень он закончил и отчалил в объятия тумана. Волны были небольшими, зефир усыплял его, и только кашель не давал заснуть и рвал горло. Сёма орудовал вёслами, усевшись лицом к корме. Лопасты еле касались воды, правое предплечье продолжало ныть, но он всё равно не кидал вёсел и верил своим рукам. Полчаса спустя ял подхватило течение, он мог передохнуть. Тогда Сёма высунулся за борт. Окунул руку с раной в воду. Засмотрелся на себя. Осунулся. Побледнел. Глаза впалые. «Как будто умер», – подумал он и искривился в улыбке. Улыбка ему не понравилась. Он лёг в кокпит, почувствовал тяжесть своего тела. Не заметил, как уснул. Проснулся тоже как в тумане, во рту Сахара. Он приложился к канистре и выпил всё до дна. Снова взялся за вёсла. Рука распухла и покраснела. Он старался не смотреть на неё. Вода была гладкая, как лёд. Штиль. Стал грести, вскрикнул. Где-то совсем рядом по ушам дал резкий звук мотора. Запахло бензином.

– Водная полиция. Сержант Симаков, – послышался знакомый голос. Сёма кинул взгляд на нож у себя за поясом. Посмотрел вверх. Серые усы.

– У меня нет паруса, – хрипло ответил он.

– Ну и что?! Представьтесь! – взъелся патрульный. Из-под кепки виднелся белый бинт. Сёма промолчал. Патрульный завис на несколько секунд, а потом вскрикнул:

– А ну вылезай, засранец! – он стал копать у пояса, взял наручники. Сёма сидел, повесив голову.

– Думаешь, если снял парус – не узнаю? Ты думаешь, я тупой, да? – он перекинул ногу в ял. – Вылезай!

Вода вокруг запузырилась. И ялик, и швертбот закачались, так что патрульный чуть не упал. Сёма настороженно взглянул за борт.

– Я кому говорю! – продолжал кричать патрульный высоким свинячьим голосом.

– Тихо, – отрезал Сёма. Тогда Симаков схватил его за правую руку и дёрнул на себя, она чуть не отпала. Сёма прорычал, оскалился и незаметно для себя выхватил левой рукой нож.

Сержант бросил наручники в воду. Потянулся к пистолету. И тут из глади, прямо между судами, вышло огромное красное щупальце величиной с дерево. Патрульный повалился в кокпит яла, передёрнул затвор и, не целясь, выстрелил пару раз в его сторону. У Сёмы заложило уши. С другой стороны показалась вторая культя и тут же обвила судно в несколько витков.

– О-ох! господа!

И в следующий миг судно утянулось под воду. Сёма толкался наотмашь, бултыхался наугад, вверх, и увидел мягкий серый просвет. Его руки задубели, и левая не могла разжаться, чтобы отпустить нож. Прямо перед ним засветился весёлый жёлтый кружок, с арбуз. Сёма беззвучно вскрикнул, когда понял, что это глаз. Тьма вдруг расступилась, и он увидел спрута целиком. Огромная мешковатая голова, похожая на спущенный воздушный шар, множество щупалец, растянувшихся сетями, и грозный, полный животной ненависти взгляд. Само нутро затрепетало. Ноги перестали работать. «Мне конец», – подумал он, а в это время левая рука уже вонзила нож в чёрный зрачок. Сёме показалось, что он режет дыню. Даже под водой он услышал внутриутробный гул чудовища и поплыл наверх, наверх. Выбравшись на воздух, он не дал себе отдыха, подгрёбал обеими руками что есть мочи к швертботу, который качали сильные волны. Зацепившись за борт, он не с первой попытки подтянулся и перевалился внутрь. Даже через палубу он чувствовал, как грохочет вода. Сёма глянул на мотор, нажал несколько кнопок наугад, и швертбот жалобно заскулил, понёсся прочь.

– Симаков. Симаков, приём, – сказали из чёрной радиолы в будочке. – Через пять минут к тебе приедет усиление. Приём.

– Не приезжайте. Всё хорошо, – снял рацию Сёма.

– Симаков, это вы?

– Да, я.

– Что произошло?

– Связь сбоит. Всё нормально. Через час вернусь, – сказал он и, сграбастав радиолу и рацию в охапку, бросил всё в море. Швертбот рассекал туман, остававшийся холодными каплями на Сёмином лбу. Уже через пятнадцать минут он стал узнавать по сторонам близлежащие к бухте острова, на ходу он подруливал то влево, то вправо, стараясь держаться как можно дальше от берегов. «Главное, чтобы не узнали», – думал он. Правую руку неистово тянуло вниз. Дрожь преследовала его, он часто оглядывался, не мог надыхаться. Уже приближаясь к бетонному пирсу, он заглушил мотор. Господин Бог не тронул их бухту за эти шесть дней. Сегодня наступило воскресенье. Рестораны ломились, рыбаки отдыхали, и ветер не дул. Швертбот тихо ударился о бетон. Сёма ковыльнул на нос и в один маленький прыжок оказался на земле. Пошёл в сторону железных ворот.

– Эй! – окликнули его со спины. Сёма обернулся. К нему бежал покрасневший Чип. Господин Бог не тронул и его. Только подрисовал мешки под глазами. Чуть не врезавшись в Сёму, он встал и замолчал. Сёма тоже молчал и рассматривал ободранные, грязные, мокрые носки.

– Где ял? – спросил Чип и удивлённо, и строго. Сёма промолчал.

– Так и знал, что ничего у тебя не выйдет. Ещё и на них наткнулся, – Чип кивнул на швертбот. Сёма промолчал. Чип сверлил его взглядом и чего-то ждал.

– Отдавай нож.

Сёма покачал головой.

– Козёл! – сказал Чип и вдруг, подпрыгнув, как-то закрутился и попал костяшками Сёме по скуле. Он упал навзничь. Когда оклемался, увидел исчезающую в воротах фигурку.

– Чип...

И он пошёл домой. Дверь была не заперта. Он тихо прошагал в мамину комнату. Она сидела за столом, спиной к нему. Курила. Господин Бог сделал её чуть тоньше. Чёрные волосы убраны в хвост. Молчит. «Она красивее, чем та, толстая», – зачем-то подумал Сёма и сказал:

– Извини.

Она было дёрнулась, но тут же остановилась и продолжила смотреть в окно. Сёма подошёл ближе и заметил на столе заваленную окурками пепельницу. Мама смотрела в окно на прибрежные вереницы портов. Белый свет окаймил её изломанную фигуру.

– Извини.

– А, кто-то здесь есть? – сухо спросила она. Сёма неловко подошёл к ней.

– Мам. Я больше не буду.

– Что? – не сдавалась она. И тут была готова. Тогда он встал над ней, растопырил руки и стал медленно, неловко, будто шарнирная кукла, сгибать их в объятиях. Он почувствовал, как её тело содрогается от знакомого клёкота.

– Ты прямо как он, – она закрыла лицо руками и тихо-тихо заплакала. Сёма кусал себя за губу, а глаза всё равно слезились.

– Давай смеяться, – сказал он. Она не ответила.

– Нам нужно смеяться, мама!

– Нет-нет, – говорила она. Сёма обнял её сильнее.

– Давай. Вместе. Ха-ха-ха! Ха-ха-ха-ха-ха!

– Перестань. Дурак.

– Ха-ха-ха! – он подошёл к старому буфету, где покоились разные древности, ещё от бабушки. Открыл стеклянную ручку. Схватил чашечку, расписанную под гжель. Ухнул её об пол.

– Ха-ха-ха!

Она обернулась и замолкла. Он ухнул ещё одну. И ещё.

– Ха-ха-ха! – надрывался он, открывая рот как можно шире. Мама выпучилась на него. Её серые, волчьи глаза ничего не говорили.

– Ха-ха-ха! – он разбил весь сервант, и теперь топтался в грудe сине-белых осколков. Тогда он взял урну с прахом.

– Ха-ха-ха!

– Хватит! Отпусти!

Он не послушался и шарахнул её об пол. Ветер подхватил серый прах и закружил его по комнате. Мамины тонкие брови сошлись углом. Она внимательно посмотрела на него, а потом вдруг вскрикнула, заметалась по комнате.

– Господи, твоя рука!

– Ха-ха-ха!

– Да что ты хохочешь! Боже мой, где тут бинт. Или скорую?! Да когда ж она придет! – говорила она вслух, и, пробегая мимо открытого буфета, зацепила просторным кардиганом его ручку, потянула за собой. Громадина медленно рухнула. Послышался треск стекла. Сёма успел сцапать её в последний момент. Они оба стояли у повалившейся громады. Сёма перестал смеяться.

– Чуть не убилась... – проговорила она рассеянно. Сёма чихнул. Мама вдруг тихо хихикнула.

– Это бабушка тебя за нос ущипнула.

– Потому что я её разбил?

– Нет. Просто беспорядок разводишь.

И Сёма улыбнулся.